

Ольга КЕРН: И кто мы без публики?!

Москва, правда, — 2003. — 23 окт. — с.8

Когда ведут речь об артистах-звездах, нередко употребляют этот штамп: «Концерты расписаны на годы вперед». Наша газета, анонсируя недавнее выступление пианистки Ольги Керн в Большом зале консерватории, тоже так писала...

— Ольга, это действительно так! Если да, скажите, где играет, скажем, в декабре 2004-го?

— Действительно так, но про декабрь 2004-го не знаю. Не потому, что этот месяц не расписан. Просто мои менеджеры не загружают меня избыточной информацией. Присылают список концертов на несколько месяцев, этого более чем достаточно. Например, самое дальнее, что помню сейчас: весной выступлю в Нью-Йорке, в Карнеги-холл.

— А в целом за год сколько концертов набирается?

— Ну вот в прошлом сезоне больше ста пятидесяти.

— Больше полутора сотен!! Но ведь это же галера, каторжные работы...

— Ну какая же это галера? Вот у Рахманинова бывало по триста концертов в год — это и впрямь каторжные работы.

— Но можно ли выдерживать такую нагрузку?

— Знаете, на то и профессионализм. И за это я отдельно, помимо всего прочего, благодарна моим учителям. Они заложили такую основу, которая позволяет жить и работать в подобном режиме.

— Назовите, пожалуйста, учителей.

— Мама и папа, они оба пианисты, это понятно. В Центральной музыкальной школе — Евгений Михайлович Тимакин. Среди учеников выдающегося педагога немало замечательных музыкантов. Михаил Плетнев, например! Сейчас Тимакину больше восьмидесяти. Он был на моем недавнем концерте, хвалил меня... В консерватории, а потом и в аспирантуре училась у профессора Доренского. Сергей Леонидович и вовсе не нуждается в представлении — и как пианист, и как педагог. Сомневаюсь, что ученики какого-нибудь другого музыканта собрали столько премий на международных конкурсах — сотню или даже сейчас уже больше... И еще Борис Всеволодович Петрушанский занимался со мной в фортепианной академии в Имоле. Этот город известен на весь мир прежде всего благодаря Гран-при Италии в «Формуле-1» и академии. А можно назвать и в другом порядке. Лучшие в мире пианисты и педагоги

преподают там, дают мастер-классы...

Мне грешно жаловаться на недостаток премий, на невнимание публики и критики. И все же поверьте, жизнь закалила. Всякое бывало. Как вам это: когда я училась в ЦМШ, только на дорогу тратила почти четыре часа в день. А нашу квартиру в Орехове — Борисове трижды поджигали.

— Кто? Почему?

— Я занималась, конечно, только днем. Но соседям это все равно не нравилось...

— Вы убедили меня — пусть полтора-два концерта в год не считается галерой. Но ведь еще и заниматься надо. Много времени на это уходит!

— По-разному. Я всегда помню, что говорил Рахманинов: не больше двух часов, но с умом. Большинство людей думают, буд-то занимаясь, готовишься к концерту. Да, к концерту, но не к тому, что предстоит завтра, иногда даже и не к следующему...

— Давайте все-таки вернемся к теме «каторжных работ». Дело, полагаю, не только в количестве выступлений, но и в переездах-перелетах!

— Верно. К сожалению, случаются жуткие транспортные нагрузки. В прошлом сезоне, например, однажды сложилось так, что в течение пяти или шести дней я выступала в Чикаго, потом в Гонконге, а затем снова в Чикаго. Ужас! Вот в такое время накатывает усталость. А еще проблема — заснуть после концерта.

— Не до, а после!

— Именно после. Такое возбуждение, что сон от него бежит. Признаться, я еще не научилась унимать это возбуждение. Похоже на кессонную болезнь у водолазов, правда? Только вот, живя в таком режиме, не имеешь времени, чтобы, не торопясь, успокоиться...

Или недавно: из Хьюстона в Техасе — в Анкоридж на Аляске. Плюс еще два концерта на Аляске, да в таких городах, куда маленьким самолетиком нужно было добираться.

— Попутный вопрос: везде ли инструменты под стать исполнителю?

— Конечно, в небольших городах не могут позволить себе лучшие, а стало быть, и дорогу-

щие рояли. Но тут нельзя забывать: у нас миссия. Мы должны донести великую музыку до публики в таких местах, какие иной раз называют глухоманью. В небольших городках нет своих оркестров, и знаменитые солисты туда тоже не слишком часто добываются. Но уместно, например, вспомнить, что Лист создавал свои транскрипции бетховенских симфоний именно для того, чтобы их услышали там, где никогда не гастролировали оркестры.

— Публика хорошо принимает!

— Не то слово! Я даже не решусь ответить, где лучше: в знаменитых залах, собирающих знатоков, ценителей, или в таких городах, как в тот приезд на Аляску. Я из тех музыкантов, которые любят и музыку, и слушателей. Может быть, в совершенно равной мере. Какая потрясающая публика была! Как встречали Первый концерт Шостаковича, который мы исполнили!

— Уточните, кто это «мы».

— Московский государственный камерный оркестр под управлением маэстро Константина Орбеляна и Керны — я и мой брат Владимир.

— Вы выступаете вместе с братом?

— При первой же возможности. Он прекрасный трубач. А с недавних пор и дирижер. Кстати, он сейчас вторично заканчивает консерваторию, дирижерское отделение. Скажем, в Кейптауне мы играли вместе — я за роялем, он за дирижерским пультом. Можно похвалюсь? Сногшибательный успех был! Вообще мы с братом, когда играем, словно одно целое. Понимаем друг друга даже без полуслова и без полузвезда...

Но я хочу добавить. Чего мы стоим без публики-то?! Конечно,

я люблю и записываться. При записи открываются совершенно невероятные возможности. Но скажем так: записать и играть на публике — это просто разные вещи. А публика такая благодарная!

— Скажите, Ольга, а кто-нибудь говорит вам неприятную правду?

— Мама! И знаете, прочитай всегда она права.

— В 2001-м вы были удостоены гран-при и золотой медали на фортепианном конкурсе Вана Клиберна в Техасе, в Форт-Уорте. На этом «конкурсная» страница вашей биографии завершилась!

— Да. Большого все равно достичь уже нельзя. К тому же победа в конкурсе Клиберна сопряжена с весьма насыщенным ангажементом: два года по сто концертов. С того момента все и закрутилось. Но, наверное, самой большой наградой мне тогда стало знакомство с Клиберном. Он несравненный человек! Когда приезжаю в Техас, непременно бываю у него в гостях, иногда мы беседуем далеко за полночь...

Конечно, меня и прежде немало приглашали выступать. Особенно в 93-м, когда я взяла первую премию на первом Международном конкурсе имени Рахманинова в Москве. Мне было всего семнадцать. Это был мой первый по-настоящему большой успех. Даже в консерваторию приняли без экзаменов. И приглашения посыпались... Но с нынешним графиком, конечно, не сравнить.

— И долго вы намерены укладываться в этот график?

— Вероятно, года два. Потом, видимо, уменьшу нагрузку.

— Кстати, а отпуск у вас бывает?

— Бывает, но... Во-первых, никак не летом — это самое фестивальное время. Во-вторых, ненадолго. Ни о месяце, ни о трех неделях подряд даже мечтать не приходится.

— А как проводите отпуск?

— С сыном. С сыном! Ему пять лет, а он уже ходит в Гнесинскую школу. С ним занимается замечательный педагог Татьяна Абрамовна Зеликман. Знаете, он уже пробует сочинять. Сам чертит нотные линейки, записывает ноты и требует: «Мама, сыграй!». Он скучает по мне. А уж как я скучаю!..

— Пожалуйста, извинитесь перед ним за меня, ведь сейчас я оторвал кусочек, безусловно, его времени...

Леонид ГВОЗДЕВ.